

ПРИГОРОД СЕРГИЕВСК И ЕГО РОЛЬ В ПРОЕКТИРОВАНИИ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОЙ ЗАКАМСКОЙ ЛИНИИ В 1731 Г.

1731 г. правительство приступило к строительству системы укрепленных линий, способных защитить южные и юго-восточные окраины европейской России от нападений кочевников. Юго-восточный фланг этого пограничья в Заволжье должна была прикрыть Новая Закамская линия. Важнейшим оборонительным пунктом на ней, центром, откуда производились рекогносцировочные работы и началось строительство, стал пригород Казани Сергиевск.

Как известно, Сергиевск был основан в 1703 г. для защиты созданных в его окрестностях серных заводов и населения работавшего на них¹. Роль его гарнизона вместе с присланными подкреплениями при подавлении башкирского восстания начала XVIII в. трудно переоценить. Так полковник А.М. Дмитриев-Мамонов сообщал из Казани в мае 1706 г. «Доношу тебе, моему государю (судье Посольского приказа Ф.А. Головину – Э.Д.), мая в 4 день писали ко мне ратных дел судии, что башкирцы, воровские люди разных дорог, и хотят приходить и розорить Сергиев город, что близ Самары. И по тем ведомостям мая, государь, в 5-м числе послал я в Сергиевской драгунскаго строю полковника Июду Болтина, с ним набору ево новоприборных драгун 250 человек да салдацкого полку, что ныне у меня, 200 человек для проведывания и розъездов; из дворян прислали ис Канцелярии 26 человек, да мурз и татар, которые остались от самарской посылки, 76 человек; да в Сергиевском служилым всех чинов людем по списку. А по ведомостям, государь, тех вышеписанных воров-башкирцов 600 человек»².

После перевода серного производства на Самарскую Луку пригород какое-то время сохранял свое значение важного военного пункта и центра сельскохозяйственной округи. По данным первой ревизии в нем и в расположенных рядом поселениях числилось служилых людей – 681, хлебопашцев – 594 душ мужского пола³. Но, и в конце 1720-х гг. уже законсервированные заводы продолжали находиться под неусыпным вниманием Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Для их охраны посылали «для присмотра и караулов из закамских солдат, которые городской службы снести не могут». Эти караулы были невелики по численности. Например, в 1730 г. «на Сергиевские и Самарские (т.е. на Самарской Луке – Э.Д.) заводы» по именному указу Анны Иоанновны было направлено всего 12 человек⁴.

Именно Сергиевск и система редутов по правому берегу р. Сока являлись южным пограничем Сокско-Черемшанского укрепленного района. В составе крупной группы войск, созданной для защиты Заволжья в начале 1720-х гг., отдельные отряды на летние посты располагали вплоть до Сер-

* © Дубман Э.Л. - доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2014 г.

гиевска и даже Алексеевска. И.К. Кирилов писал: «Между Тиинска, и Ерыклинска, и Сергиевска, и Алексеевска стоит на пастах драгунский гарнизонный казанской Друмантов (под командованием С. Друманта – Э.Д.) полк для охранения от набегов каракалпакских»⁵. Крайней к степи в этой глубоко эшелонированной системе являлась линия редутов, располагавшаяся по правому берегу Сока. Она начиналась несколько ниже устья Кондурчи редутами у Каменного брода и Нижним Кондурчинским. В среднем течении по правому берегу притока Сока р. Раковки располагался редут Раковский, на левом берегу еще одного притока р. Ольшанки – редут Ольшанский. Далее, у пригорода Сергиевска на противоположном берегу р. Тепловки был устроен маяк. Таким образом, практически все течение Сока от устья до пригорода Сергиевска и серного завода по правому берегу было защищено редутами, возведенными задолго до строительства Новой Закамской линии. Создание здесь передовой системы обороны вполне объяснимо. По Соку проходил водный путь к серным заводам и Сергиевску. Характерно, что на «ландкартах», составленных в Закамской экспедиции, именно по Соку были показаны места «перелаза» башкир и разоренные от их нападения селения. Редуты были устроены и в глубине территории, защищенной течением Сока – на р. Липовке, у впадения в нее р. Елховки и выше по течению Кондурчи – редут Верхний Кондурчинский⁶. На, так называемые, «Сокские редуты» посылались небольшие сторожевые отряды из драгун и яицких казаков.

Характерно, что на «ландкартах» начала 1730-х гг. все эти пространства обозначались по-разному. Междуречье Самары (от устья Б. Кинеля) и Сока (от пригорода Сергиевска) называли «пустые степи». Лесостепь севернее р. Сока (к востоку от Сергиевска) к Большому Черемшану и далее значилась как «башкирские вотчины»⁷ или «степь пустая башкирские угодыя»⁸.

О состоянии укреплений самого Сергиевска в 1720-х гг. скудные данные приведены у И.К. Кирилова. Одна соборная и одна приходская церкви, канцелярия и контора, один управитель, три приказных служителя – вот все присутственные места и весь административный аппарат городка. Под стать было и вооружение – 6 медных и чугунных пушек, да 1 затинная пищаль, из которых к стрельбе годились 2 медные пушки⁹. И все же Сергиевск к началу 1730-х гг. был весьма неплохо защищен. Позднее, когда приступили к возведению Новой Закамской линии, ее строители ограничились лишь тем, что обвели старый «замок» и поселение валом и рвом, примыкавшими к самой линии, да кое-где подновили второстепенные укрепления. Сама крепость-замок располагалась на возвышенном месте «горе» и состояла из вала, рва и деревянных рубленых стен, устроенных по валу. В плане она проявлялась в виде продолговатого прямоугольника с 8-ю башнями. Профиль разреза вала и рва весьма любопытен. Он выглядит явно архаичнее профиля разреза системы вал – ров самой линии: отсутствуют гласис и прикрытый путь, но уже есть берма, очертания самого вала выглядят, как бы оплывшими, без чеканной резкости сооружений 30-х гг. Несомненно, что даже «новую» часть крепости строили явно до начала возведения самой

линии., где-то между 1710 – 1720 гг. Вполне очевидно, что Сергиевский «замок» основательно перестраивался до сооружения Закамской линии. Новая крепость включала в себя площадь старой, построенной в 1703 и перестроенной в 1704 гг., и примыкавшую к ней с запада, со стороны пригорода, новую площадку. В результате территория всей крепости выросла вдвое, стала более удлиненной¹⁰. Сочетание новой с бастионами и старой частей, хорошо видно на схематическом изображении Сергиевской крепости на картах 1731 г., времени, когда началось строительство Закамской линии¹¹. М.И. Иванин писал о Сергиевске: «Вал его насыпан щебнем. По углам сделаны выдававшиеся закругления, образующия как-бы небольшие, круглые, насыпные бастионы, вероятно, для действия сверху их орудиями...»¹². Такой тип бастионов очень близок к аналогичным укреплениям земляной крепости Самары и, видимо, современен им. В настоящее время земляные укрепления вполне сохранились, хотя в ряде мест в них сделаны проезды или они сильно оплыли. В разрезе вал, действительно, состоит в основном из щебня.

Укрывшееся за крепостью поселение было защищено земляным валом реданного расположения. Сторону пригорода, обращенную к Соку, оградили заплотом и, вновь поставленными впереди него, рогатками¹³. Позднее, уже к середине 1730-х гг. в связи с резким увеличением населения Сергиевской крепости во время строительства линии, существенные изменения произошли в жилой застройке. К примыкавшим с запада и северо-запада к крепости жилым кварталам, прибавились усадьбы 4-х рот ландмилиции. В итоге градостроительный облик пригорода представлял собой следующее. С юго-западной стороны жилые кварталы вписывались в излучину Сока и его «залива» и как бы повторяли их округлость, а с юго-запада на северо-восток вытянулись удлиненным застроенным прямоугольником. Представление об очертаниях пригорода в прошлом и его нынешнем состоянии дает съемка сверху, сделанная с параплана.

Экспедиционные работы Закамской экспедиции начались весной 1731 г. Уже в конце апреля ее руководитель тайный советник Ф.В.Наумов с сотрудниками прибыли в Казань. 3 мая они были в Симбирске. В очередном «доношении» в Сенат от 16 мая руководители экспедиции изложили свои действия и дальнейшие намерения. Командиру Казанского полка подполковнику Ф.М. Есипову, «оставя полковые тягости», предписано было явиться «с людьми в Сергиевской на реке Соку», а две роты командировать в Самару. Туда же, после прибытия воинских соединений, должны были переехать из Симбирска сотрудники экспедиции. Из Самары предполагалось начать «осмотр и опись местам» по рекам Самаре и Соку в направлении к Сергиевску¹⁴.

Однако, в связи с непредвиденными обстоятельствами, только 12 июня Наумов и его сотрудники переехали из Симбирска в Самару, а 28 июня прибыли в Сергиевск. Маршрут экспедиции пролегал от г. Самары по одноименной реке, «которая река вместо линии» к пригороду Алексеевскому. Далее от устья Большого Кинеля обследовали «степь» к Соку при впадении

в него р. Кондурчи, затем местность по правому берегу Сока по дороге между выстроенными там ранее редутами к Сергиевску. На составляемую в ходе экспедиционных работ карту, наносились места строительства будущих крепостей, возможные варианты прохождения линии. Инженеры должны были сделать описание местности, почв, указать на близость водных источников, подыскать места для расселения ландмилиции. При осмотре правого берега р. Сок, казалось бы, наиболее удобного для создания укрепленных пунктов, Наумов сделал замечание, которое затем сказало на местоположении этого участка линии: «только те места низки, ибо та река болотистая». До 30 июня, когда в Москву в отделение Сената был отправлен с курьерским «доношением» и «ланткартой» вахмистр Литвинов, Закамская экспедиция обследовала всю местность от г. Самары до Сергиевска и дошла до Липовского редута, расположенного к северо-западу от Сергиевска на р. Липовке. Весь участок от г. Самары до Сергиевска и был нанесен на «ланткарту».

Работы производились на открытых местах, и во время их обследования членам экспедиции постоянно приходилось опасаться нападений степняков. Сообщения, полученные Наумовым от представителей местной администрации, и посылаемые от него в Москву, буквально насыщены фиксацией таких случаев. Внезапные набеги совершали, как правило, мелкие группы калмыков, каракалпаков и т.д., просачивавшиеся через «перелазы» на реках Самаре, Большом Кинеле, Соке. Численность их составляла от десятка до ста – ста пятидесяти человек. Так, например, во время обследования местности вокруг Сергиевска, около 150 кочевников напали на русский отряд у Верхнего Кондурчинского редута (верховья р. Кондурчи) и всех перебили. Незадолго до этого калмыки или каракалпаки (сообщавший об этом подполковник Змеёв не смог определить национальную принадлежность кочевников) численностью около 60 человек, отогнали у местных жителей табун. Бывали и более мелкие происшествия, не приводившие к трагическим случаям. Например, у одного из сергиевских солдат, застигшие его врасплох калмыки, сняли рубаху, отстегали плетью и отпустили. Таковых «куръезов» за лето насчитывалось множество. Нападения совершали калмыки, каракалпаки и башкиры, причем у местного населения сложился весьма оригинальный способ различать кочевников: «А по станом оных воров признают тамошние обыватели башкирцов, потому что калмыки кроме грабежа убивства не чинят и писем не берут, а каракалпаки обыкновенно людей берут в полон а не убивают же»¹⁵.

Вполне очевидно, что работа экспедиции была направлена, в первую очередь, на защиту местного населения от нападений кочевников и создание условий для появления новых постоянных поселений. С калмыками и каракалпаками все было ясно: их просто нельзя было пропускать в районы оседлого расселения. С башкирами же возникали сложности другого порядка. Они практически являлись местным, коренным населением. Их жилища находились в местах прохождения предполагаемого маршрута оборонительной линии, они владели там пастбищами и промысловыми

угодьями. По рекам Ику, Мензеле, Заю располагались башкирские селения, а по Соку, Черемшану, верховьям Кондурчи и Кичую их охотничьи угодья. В периоды затишья отношения русских, чуваш и других оседлых жителей с башкирами нередко складывались мирно. Сергиевские жители сообщали, что когда они сами охотятся и даже съезжаются с башкирами, то не «скандалят», а если «уловят зверя вместе», то делят пополам¹⁶. Однако такие «мирные отношения» были весьма своеобразны. Практически, все русские и чувашские деревни по Соку, Кондурче, Липовке и другим рекам были выжжены, а их жители перебиты именно башкирами.

Поэтому, при обследовании территории от Сергиевска к р. Ику, взаимоотношения с башкирами становятся одной из главных проблем для руководства экспедиции. Если на пространстве между реками Соком и Кичуем башкирские угодья встречались лишь изредка и их можно было обойти, то далее к Ику миновать владения башкир практически было невозможно. Опрошенные жители Сергиевска, который в 1731 г. фактически стал центром экспедиционных работ, знали ситуацию только в окрестностях своего пригорода. По их рассказам, башкиры осенью и по первому снегу приезжали для охоты на зверя к притоку Сока р. Раковке, расположенной 50 верстами ниже Сергиевска (по другим данным там находились бортные ухажи мордвы из селений Самарской Луки) и выше на 30 верст по течению Сока к р. Сурож. Но особых споров по поводу этих угодий между башкирами и местными жителями не возникало¹⁷.

После обследования территории, уже к концу 1731 г. были созданы планы всех крупнейших населенных пунктов Заволжья, в том числе Самары, Алексеевска и Сергиевска. В первых предварительных проектах новой укрепленной линии именно Сергиевск выступает ее основным опорным пунктом. От пригорода предполагалось незамедлительно вести строительство оборонительных сооружений на север, чтобы прикрыть уже освоенные районы от нападений кочевников.

В многочисленных указах и распоряжениях из центра от Наумова требовали совместить завершение проектных работ и начало строительных работ – осенью 1731 г. Руководство экспедиции, внешне соглашаясь с указаниями сверху, все же осторожно пыталось доказать, что развернуть полномасштабное строительство в этом году по вполне объективным обстоятельствам не удастся. Руководивший инженерными работами, И.А. Бибиков, например, писал, что если приступить к строительству в конце лета – начале осени, то земля не успеет «отлежаться», замерзнет и ее размочит весенней водой¹⁸.

Однако, все эти объяснения не принимались во внимание. Тем более, что из Украины, где также приступили к созданию новой линии, шли бодрые рапорты о начале ее строительства. Руководство Закамской экспедиции буквально принуждали незамедлительно приступить к линейным работам. Например, в указе от 26 июля 1731 г. содержалось указание срочно, «не упуская лета», начать строительство линии¹⁹.

Постоянное подталкивание из центра дало себя знать. Хотя и с опозданием, но подготовительные работы к главному делу – строительству ли-

нии, постепенно завершались. 3 сентября казанский губернатор князь М.В. Долгоруков сообщил в Москву, что инструмент для экспедиции делается по реестру, подготовленному командой Бибикова. Уже на первый год требовалось более 5000 лопат, почти столько же кирок, более 2000 мотыг, 3000 топоров, 2000 тележек для вывозки земли, 2000 носилок, 70 буравов и т.д.²⁰

Летом – осенью 1731 г. «столицей» Закамской экспедиции стал пригород Сергиевск. Сок в то время был вполне судоходной рекой, поэтому инструменты и прочее оборудование из Симбирска и Казани отправлялось к Сергиевску как водным путем по Волге и далее по Соку, так и сухопутным²¹. В пригороде располагался штаб и основные службы, создавались склады для оборудования и провианта. В его окрестностях, в удобных местах, при редутах обустраивались воинские подразделения и рабочая сила. 17 сентября подполковник Змеёв и офицеры привели к Сергиевску солдат из закамских пригородов. 19 сентября туда же прибыли из войсковой группы, подчиненной генерал-лейтенанту В.П. Шереметеву, два полка во главе с бригадиром Друмантом. В этот же день из Казанской губернии явилось 2651 человек, мобилизованных крестьян к «линейной работе».

К 20 сентября все было готово и, как сообщал Наумов, именно в этот день началось сооружение новой линии. Места для начала работ руководство экспедиции выбрало, практически, без согласования с центром. Было решено одновременно строить в нескольких местах, на участках, как бы разбросанных по большой дуге: у впадения в Сок Кондурчи при, так называемом, Красном Яру, а также от Сергиевска к Тарханскому лесу и т.д. Этот выбор хорошо согласовывался с вариантом проекта, разработанным инженерами экспедиции.

Отметим, что практически все мобилизованные крестьяне, были поставлены на рытье рва и насыпку вала от пригорода Сергиевска в направлении «Каменного»(?) редута к реке Кондурче. Полки Друманта распределили на разъезды и караулы для прикрытия всех работающих от нападения кочевников, но основной их лагерь находился неподалеку от Сергиевска рядом с Липовским редутом²².

Строительство линии шло несколько медленнее, чем предполагалось, из-за того, что «земля зело крепка, камениста и гниловата»²³. Но в донесениях руководства экспедиции, отправленных из Сергиевска 12 октября, сообщалось, что работы проводились быстро и споро; выстроено 8 км линии, на устье р. Кондурчи заложена крепость и поставлен палисад (отметим, что первоначально крепость там строилась на правом низменном берегу Сока при впадении в него Кондурчи).

Но вскоре погодные условия помешали работам: «за нынешним осенним неспособным временем и за снегом... (крепости – Э.Д.) не заложено». 9 октября Шереметев указал своим полкам «за снегом и за неимением кормов» оставить район строительства и вернуться на зимние квартиры в «черемшанские лагеря». После ухода регулярных войск работы у Сергиевска продолжались еще два дня – до 11 октября, а затем всех рабочих распусти-

ли по домам²⁴. Всего же количество рабочих дней без выходных составило 19 – с 20 сентября по 10 октября, включительно, то есть ровно три недели.

В целом с 19 сентября по 6 октября удалось собрать 2916 человек, чуть меньше чем было первоначально запланировано. Присланные крестьяне были заняты на линейной работе, т.е. копали ров и насыпали вал. Для их «понуждения», чтобы работали «не леностно», к каждому десятку рабочих людей был приставлен драгун, а то и унтер или обер-офицер²⁵.

Все сделанное из линейных работ осенью 1731 г. было отражено на специальном плане. На чертеже, отправленном в столицу в конце 1731 г., показана «линия вновь делать зачата», протяженностью от Сергиевска около 8 верст²⁶. Вал немногим переходил Казанскую дорогу и завершался у «Казанского оврага»²⁷.

Распределение рабочей силы, вся инженерная часть, ответственность за правильную технологию строительства были возложены на команду И.А. Бибикова. После завершения работ Бибиков в своем отчете писал, что ров был сделан: шириной у поверхности – 2 сажени 1 аршин 10 вершков (5,49 м), глубиной – 1 сажень (2,16 м), шириной в нижней части по дну – 1 сажень (2,16 м).

За время линейной работы из рва было «вынето земли и употреблена на вал кубических 7518 сажень»²⁸. По тогдашним фортификационным правилам существовали особые пропорции между отдельными элементами системы вала и рва. Для постоянного надзора за этими параметрами со стороны инженеров, во время полевых работ требовалось иметь в экспедиции специальные шаблоны. Но осенью 1731 г. это требование не соблюдалось. В размерах и в соотношении отдельных частей укреплений были допущены ошибки.

С наступлением зимы в районе работ наступило затишье. Часть персонала экспедиции разместилась, по всей видимости, в Сергиевске. Руководство отправилось в более комфортные условия в провинциальный центр Симбирск. В прошении, относящемся к более позднему периоду, руководство экспедиции обосновывало свое желание переехать на зиму из Сергиевска тем, что для работы с ландкартами нужны белые (т.е. топившиеся по белому) избы. В Сергиевске были только черные: «и помянутых лант карт и протчаго за недовольным светом в избах черных, а паче от сыплющейся сажи с потолков белых чертежей и окуратных учинить будто невозможно»²⁹.

Стратегическое положение Сергиевска при проведении строительных работ и заселения линии ландмилицией, практически не менялось на протяжении всего времени ее возведения до начала 1736 г.

Примечания

¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М. 2000. С. 124-127; Кистенев В.В. Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье в первой четверти XVIII в.: дис. . . канд. ист. наук. Самара, 2009. С. 64-85; Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России. В 4 т. Т. 2. М.-Л., 1949. С. 374; Дубман Э.Л. Петр I и Самарский край // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара, 2001.

² Мустафина Д.А. «Умилосердись, государь мой. . .». (К вопросу о пространственных рамках башкирского восстания 1705-1711 гг. и превентивных мерах по недопущению его распространения) // «Гасырлар авазы - Эхо веков». 2013. № 3/4. С. 30.

³ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 1126. Л. 103.

⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее А ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. Генерального Пovyтыя. Д. 11. Л. 8, 13, 143, 267.

⁵ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 217.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2081, 2083, 3954 и др.

⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2084.

⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081.

⁹ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. С. 218, 330.

¹⁰ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 875. Карты.

¹¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 3954, 4189.

¹² Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник Географического общества. Ч. 1. 1857. С. 71.

¹³ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 91.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 83, 307-308.

¹⁵ Там же. Л. 134.

¹⁶ Там же. Л. 123об.

¹⁷ Там же. Л. 123-123об., 134об.

¹⁸ Там же. Л. 229об.

¹⁹ Там же. Л. 141.

²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 216, 240об.

²¹ Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. М., 1914. Приложения. № 26. С. 54.

²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 309, 312, 313-313об.

²³ Там же. Л. 328 об.

²⁴ Там же. Л. 319-319об.

²⁵ Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. № 23, 24. С. 48-49.

²⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 4189. См. также: Д. 3954.

²⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 417 – 418об.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 288-288об.